

Черепанов Игорь Владимирович

ПРОБЛЕМА БЫТИЯ СОЗНАНИЯ КАК СУБЪЕКТИВНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В ОБЪЕКТИВНО СУЩЕСТВУЮЩЕМ МИРЕ

В статье анализируются философские теории, позволяющие решить проблему бытия сознания как субъективной целостности в объективно существующем мире. Рассматривается феномен сознания со стороны онтологического единства четырех его основных свойств - вторичности, нематериальности, субъективности и активности. Вскрываются проблемные места в рациональном конструировании такого онтологического единства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/59.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 195-201. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. **Сабиров В. Ш., Соина О. С.** Методологический аспект исследования проблемы смысла жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (9). Ч. I. С. 168-171.
7. **Савва (Остапенко), схиигумен.** Опыт построения истинного мирозерцания. Житиеописание. Проповеди. Поучения. Воспоминания духовных чад. М.: Паломник, 2007. 928 с.
8. **Соловьев В. С.** Смысл любви. Киев: Лыбидь, 1991. 64 с.
9. **Флоренский П.** Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. Т. 1. Ч. 1. 490 с.
10. **Франк С. Л.** Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. М.: Факториал, 1998. 255 с.
11. **Цепелева Н. В.** Концепция личности в философии Н. О. Лосского // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. IV. С. 196-201.
12. **Шелер М.** Избранные произведения: сб. ст. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

LOVE AS VALUE IN N. O. LOSSKY'S PHILOSOPHY

Tsepeleva Nadezhda Valer'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Novosibirsk State Medical University
cepelevanv@mail.ru

The article reveals the conception of love by N. O. Lossky in the context of his axiological doctrine. The author of the article notes moralistic pathos in the interpretation of love by the Russian thinker. The article draws parallels in love understanding by N. O. Lossky and the Christian tradition. The author of the article substantiates the idea that the ethical principle of love revealed by N. O. Lossky is eliminated from the anthropological aspect of love phenomenon research that leads the thinker to the variant of idealistic ethics with its abstract ideal of a perfect personality.

Key words and phrases: love; axiology; morality; spirituality; personalism; sublimation; temptation.

УДК 165.12

Философские науки

В статье анализируются философские теории, позволяющие решить проблему бытия сознания как субъективной целостности в объективно существующем мире. Рассматривается феномен сознания со стороны онтологического единства четырех его основных свойств – вторичности, нематериальности, субъективности и активности. Вскрываются проблемные места в рациональном конструировании такого онтологического единства.

Ключевые слова и фразы: сознание; теории сознания; свобода; психофизическая проблема; трудная проблема сознания.

Черепанов Игорь Владимирович, к. филос. н.

Новосибирский государственный технический университет
gradeco@yandex.ru

ПРОБЛЕМА БЫТИЯ СОЗНАНИЯ КАК СУБЪЕКТИВНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В ОБЪЕКТИВНО СУЩЕСТВУЮЩЕМ МИРЕ[©]

Среди наиболее важных и сложных проблем в философии сознания на сегодняшний день можно выделить следующие: 1) онтическая проблема сознания (Что есть такое сознание по своей сущности?); 2) онтологическая, или, как ее еще называют, трудная проблема сознания (Как возможно то, что сознание существует в окружающем мире? И почему оно вообще существует, почему все психические процессы не протекают в бессознательном состоянии, т.е., другими словами, почему мы не зомби?); 3) функциональная, или, как ее еще называют, легкая проблема сознания (Как сознание работает? Каковы его основные механизмы и структуры?); 4) психофизическая проблема сознания (Каким образом сознание связано с его материальным носителем, т.е. физическим телом человека и, в частности, головным мозгом?); 5) методологическая проблема сознания (Какими методами можно исследовать сознание?); 6) генетическая проблема сознания (Каким образом сознание возникает в окружающем мире?).

Все эти проблемы четко обрисовываются на фоне философских рассуждений о природе сознания, если выделить его основные свойства и попытаться объяснить, каким образом они могут быть присущи единому реально проявляющему себя целому. К основным свойствам сознания можно отнести следующие: 1) сознание производно от материальных процессов, протекающих в его физическом носителе; 2) сознание само

по себе имеет нематериальную природу; 3) сознание обладает качеством субъективности; 4) сознание свободно, а значит, оно может активно влиять на определенные процессы, протекающие в материальном мире.

Сначала необходимо высказать несколько аргументов в защиту того, что все эти свойства являются сущностными и поэтому без них сознание существовать не может.

Во-первых, сознание порождается процессами, протекающими в физическом теле, и без них оно не может ни функционировать, ни вообще существовать в какой-то определенной форме. Это утверждение можно назвать материалистическим, поскольку оно основывается на предпосылке, которая заключается в том, что материя первична, а сознание вторично. Однако это утверждение само по себе неочевидно и нуждается в убедительной аргументации.

В качестве критерия необходимой каузальной взаимосвязи между определенными процессами выступает тот факт, что один из них не может существовать без другого. Причем если этот факт обусловлен опытом, т.е. если во всякой наблюдаемой ситуации один процесс сопровождается наличием другого, то мы говорим об апостериорной каузальности, а если этот факт обусловлен тем, что противоположное положение дел не может быть даже представлено в силу его имманентной противоречивости, то тогда мы имеем в виду априорную каузальность. Например, мы никогда не видели живые организмы, существующие, во-первых, не на белковой основе, а во-вторых, без молекулы ДНК (или РНК в случае вирусов), и поэтому мы делаем вывод о том, что жизнь – это форма существования белковых тел, управляемая генетической информацией, записанной в ДНК (или РНК), что является апостериорно-каузальным умозаключением. С другой стороны, мы утверждаем, что всякое материальное тело существует в пространстве-времени, поскольку противоположное положение дел мы даже представить себе не можем, а значит, данное утверждение носит априорно-каузальный характер.

Причинно-следственные отношения между сознанием и телом устанавливаются апостериорно, из опыта, поскольку в самой идее существования сознания вне тела еще не заключается никакого имманентного противоречия, и в принципе можно предположить, не совершая логической ошибки, что сознание может функционировать и независимо от процессов, протекающих в мозге. Однако, с одной стороны, нет никаких убедительных свидетельств существования сознания без тела (и даже случаи, описанные например, Р. Моуди [10], когда человек в период клинической смерти имеет сознательный опыт, еще ничего не доказывают, ибо нет уверенности в том, что во время клинической смерти мозг человека не продолжает свое функционирование на скрытом от регистрирующих приборов уровне), а с другой стороны, всякий психический опыт непременно сопровождается определенной активностью человеческого тела. Кроме этого, в нейрофизиологии и психиатрии накоплено множество фактов, подтверждающих, что деятельность сознания определенным образом с необходимостью зависит от функционирования мозга. Поэтому логично заключить, что сознание производно от тела и не может существовать без своего материального носителя.

Однако, кроме апостериорных аргументов, в пользу вторичности сознания можно привести и аргументы чисто умозрительного характера. Прежде всего, эти аргументы связаны с принципом каузальной замкнутости физического. Суть этого принципа заключается в том, что у всякого физического (материального) процесса может быть только физическое (материальное) следствие и только физическая (материальная) причина. Как замечает В. В. Васильев в своей книге «Трудная проблема сознания», «принцип каузальной замкнутости... требует именно признания наличия у каждого физического действия физической причины» [3, с. 225]. В противном случае нарушаются все известные нам законы сохранения, в том числе, и закон сохранения энергии, ибо, если мы откажемся от принципа каузальной замкнутости физического, то физическая энергия будет исчезать в никуда (если у физической причины будет нефизическое следствие) или появляться из ниоткуда (если у физического следствия будет нефизическая причина).

Если теперь мы допустим, что причиной сознания является нечто нематериальное (нефизическое), которое не порождается ничем материальным (физическим), или что сознание есть причина самого себя и при этом есть нечто нематериальное (нефизическое), то тогда мы должны признать существование нематериальной (нефизической) субстанции. Далее возможно два варианта: либо мы встаем на позицию дуализма и признаем одновременное существование двух различных субстанций – материальной и нематериальной, либо оказываемся в чистом виде идеалистами и утверждаем, что все материальное имеет в своей онтологической основе нечто нематериальное (нефизическое). Однако как в первом варианте, так и во втором возникают серьезные проблемы, связанные с нарушением принципа каузальной замкнутости физического.

Если мы встаем на позицию дуализма, то оказывается непонятным, как возможно взаимодействие между материальным и нематериальным. Тут мы либо должны признать нарушение закона сохранения физической энергии (как это делает, например, Р. Декарт [5], полагая, что мир для своего существования, подобно часовому механизму, нуждается в постоянной подзаводке со стороны Бога), либо должны встать на точку зрения параллелизма, согласно которому материальные и нематериальные процессы сопутствуют друг другу, но непосредственно при этом никак не взаимодействуют. Данная точка зрения укладывается, например, в теорию предустановленной гармонии Г. Лейбница [8] или окказионализм Н. Мальбранша [9]. Однако, по существу, эти теории ничего не объясняют, а лишь констатируют определенное положение дел.

Если же мы встаем на позицию чистого идеализма, то оказывается, что физическая энергия в своей онтологической основе есть нечто нефизическое, как это признается, например, в философии Д. Беркли [1] или Г. Гегеля [4]. Но в этом случае физическая энергия может возникать из ниоткуда и исчезать в никуда, что опять-таки ведет к нарушению принципа каузальной замкнутости физических процессов.

Теперь рассмотрим второе главное свойство сознания, а именно его нематериальность. Смысл этого свойства заключается в том, что сознание в равной степени, как и вся совокупность психических феноменов, не может быть редуцировано к определенным нейрофизиологическим процессам, протекающим в мозге человека. Если же мы признаем материальность сознания, то это означает, что мы стоим на позициях теории тождества, которой придерживаются, например, такие мыслители, как Ю. Плейс, Д. Смарт и Д. Армстронг [12, с. 127-130], и согласно которой любой ментальный процесс тождественен физическому процессу, протекающему в мозге, т.е. в данном случае ментальное не просто причинно обусловлено физическим, а оно и есть непосредственно само физическое. Однако в этом случае прослеживание нейрофизиологических процессов, сопровождающих определенное переживание, позволило бы нам точно идентифицировать само это переживание, чего, очевидно, не происходит, ибо, скажем, представлению оранжевого неба в самом мозге не соответствует ничего, что было бы оранжевым и было бы небом. По этому поводу С. Прист замечает, что «никакое наблюдение учеными электрических процессов внутри моего черепа не откроет им переживаемые мной мысли и эмоции» [Там же, с. 137]. А значит, психическое содержательно, предметно отличается от нейрофизиологического и не может быть к нему редуцировано. А то, что не может быть редуцировано к материальному, само по себе имеет нематериальную природу, и, следовательно, сознание обладает качеством нематериальности.

Но если мы одновременно признаем вторичность сознания и его нематериальность, то возникают две существенные проблемы. Первая проблема связана с тем, как материальное может породить нечто нематериальное, а вторая проблема обусловлена тем, каким образом нематериальное сознание взаимодействует со своим материальным носителем.

Первая проблема в современной философии сознания решается либо за счет утверждения эмерджентного статуса сознания по отношению к мозгу, либо за счет отрицания самого онтологического статуса сознания. Например, в функционализме (среди представителей которого можно выделить таких видных мыслителей, как Х. Патнэм [11] и Д. Деннет [6]) сознание предстает в качестве функции, которая реализуется на определенном материальном носителе, а в биологическом натурализме Д. Серла [14] сознание понимается как эмерджентное свойство нейронных систем. Если же мы будем отрицать онтологический статус сознания, снимая тем самым вопрос о том, каким образом оно, будучи чем-то нематериальным, может порождаться материальной системой, то сразу же оказываемся в рамках элиминативистской теории, которой придерживаются, например, С. Прист [12] и Д. Деннет [6]. С. Прист заявляет прямо и недвусмысленно: «...сознание не существует. Различные виды опыта, разумеется, существуют, но как только мы перечислим все виды опыта, которые имеет человек, то слово «сознание» уже не будет схватывать абсолютно ничего» [12, с. 237].

Вторая проблема, связанная с характером взаимодействия нематериального сознания со своим материальным носителем, снова затрагивает принцип каузальной замкнутости физического, ибо этот принцип нарушается, если мы предполагаем, что сознание может оказывать непосредственное влияние на процессы, протекающие в теле человека. А следовательно, если мы признаем нематериальность сознания, то не можем и утверждать, что оно как-то воздействует на материальные процессы. Данная точка зрения в современной философии сознания разделяется либо в эпифеноменализме, либо в уже упомянутом ранее элиминативизме. Согласно эпифеноменализму, ментальное, будучи эпифеноменом физического, порождается физическим, но не оказывает никакого обратного влияния на физическое, т.е. ментальное онтологически не тождественно физическому, но каузально зависит от него. Поэтому мысль не двигает телом, но мысль скоррелирована с определенными нейронными процессами, которые и двигают телом. Таким образом, с одной стороны, не нарушается принцип каузальной замкнутости физического, а с другой стороны, сохраняется онтологический статус ментального как нетождественного физическому. Если же мы занимаем позицию элиминативизма, то проблема взаимодействия ментального и физического вообще исчезает, ибо само ментальное утрачивает свой онтологический статус.

С точкой зрения элиминативизма согласиться трудно, ибо она очевидным образом противоречит здравому смыслу: невозможно отрицать существование того, что непосредственно дано нам в психическом опыте. Мы можем отрицать существование самого объекта нашего восприятия, но отрицать существование образа этого объекта, посредством которого данный объект репрезентируется, невозможно, ибо в противном случае мы должны были бы отрицать и сам факт этого отрицания. Мы можем говорить о различных статусах бытия физического объекта и психического образа, посредством которого этот объект воспринимается, но мы никак не можем утверждать, что психический образ не существует ни в каком онтологическом статусе, и поэтому в действительности ничего ментального не существует, в том числе, не существует и сознания.

Однако если мы останавливаемся на теории эпифеноменализма, то нам необходимо объяснить, как возможно то, что сознание не оказывает влияние на тело, ибо такое утверждение так же, как и точка зрения элиминативизма, противоречит здравому смыслу (ведь все мы думаем, что способны совершать сознательный выбор, а значит, оказывать сознательное влияние на материальное бытие окружающего мира). Но если мы признаем принцип каузальной замкнутости физического, то мы также должны признавать и то, что сознание, будучи чем-то нефизическим (нематериальным), не может никак воздействовать на наше тело, которое является физическим (материальным).

Действительно, быть материальным значит обладать энергией, а обладать энергией значит быть способным совершить определенного рода работу. И поэтому если сознание может влиять на физическое тело, то оно способно совершать определенного рода работу, и поэтому оно должно обладать энергией, а значит, должно быть материальным. А коль скоро оно нематериально, то и никакого воздействия на физическое тело оно оказывать

не может. На первый взгляд, как уже говорилось выше, это утверждение противоречит здравому смыслу, но если присмотреться к феномену сознания внимательнее, то все оказывается как раз наоборот. И в самом деле факты, полученные рядом исследователей в сфере психологии и психиатрии, говорят о том, что все психические процессы, такие как восприятия, чувства, желания, мысли, воспоминания и т.д., для своего бытия и функционирования вовсе не нуждаются в сопровождающем их сознании. Они могут протекать и бессознательно. Д. Деннет, который полагал, что все люди – зомби, а сознания как такого феномена, который отличает людей от автоматов, в действительности не существует, в своей книге «Виды психики» пишет: «Мы видим, что часто совершаем искусные действия вообще не думая; мы совершаем их –автоматически» или «бессознательно» [6, с. 20]. Кроме этого, И. А. Бескова в своей книге «Феномен сознания» замечает: «Как свидетельствуют данные исследований работающего человеческого мозга с помощью магниторезонансных томографов, нейронные системы генерируют мысли, решения на досознательном уровне за несколько тысяч миллисекунд до того, как они становятся доступными сознанию, которое лишь создает иллюзию (фиксируемую интроспекцией) своего непосредственного «руководства» процессами принятия решений» [2, с. 75].

Однако утверждение о том, что сознание никак не влияет на физические процессы в теле, можно обосновать не только апостериорно, фактически, но еще и априорно, логически. Зададимся вопросом: существует ли объективный критерий, позволяющий нам с абсолютной уверенностью сказать, что данный человек, с которым мы сейчас общаемся, обладает сознанием, а не находится в бессознательном состоянии, например, в состоянии гипнотического транса? Относительные критерии в подобной ситуации, конечно, существуют: например, о бессознательном состоянии человека можно было бы судить по таким признакам, как неадекватность его поведения, заторможенность реакций, автоматичность речи и т.д. Но нас интересует именно абсолютный критерий, т.е. нас интересует не апостериорная, не фактическая, а сугубо априорная, логическая сторона дела. Может ли в принципе человек вести себя естественно, реализовывать определенные программы поведения, но при этом не обладать сознанием? Другими словами, возможен ли в принципе такой гипнотический транс, в котором человек будет вести себя так, как если бы он обладал сознанием, отвечал на вопросы, рассуждал, смеялся, радовался, злился, чего-то хотел и чего-то боялся, в общем, вел бы себя как обычный нормальный человек, но при этом оставался бы в бессознательном состоянии?

Ответ на данные вопросы, очевидно, положительный. Это вытекает из самого понятия сознания. Ведь сознание – это свидетельствование самим сознающим субъектом своих собственных психических переживаний. Мы осознаем свои чувства, свои желания, свои мысли, свои оценки, свои суждения, свои выводы и свои решения, но если бы мы их перестали осознавать, то они при этом в принципе могли бы нисколько и не потерять в своем содержании, оставаясь ровно тем же самым, чем они и были в свете их осознания (подобные эксперименты описаны, например, в работах Э. Фромма [15] и В. Л. Райкова [13, с. 647]).

Переживание и осознание переживания – это два разных психических акта. Если бы сознание было включено в каузальную цепь психических процессов, то его отсутствие оказывало бы необходимое влияние на эти процессы, но, как мы видели выше, такое влияние вовсе не является необходимым, поскольку психические акты априорно ничего не теряют в своем собственно психическом содержании, если мы мысленно отнимем от них акт осознания. В этом отношении сознание подобно бытию, ибо так же, как бытие (существование), не добавляет ничего предметного в сам бытийствующий предмет, сознание, со своей стороны, не добавляет ничего предметного в сам осознаваемый предмет. Акты переживания и акты осознания идут параллельно друг другу, но никакого реального энергетического обмена между ними не происходит. Поэтому динамика психической жизни обуславливается исключительно бессознательными процессами, которые могут осознаваться, а могут и оставаться бессознательными.

И, таким образом, само психическое (чувства, переживания, желания, аффекты и т.д.) редуцируется к нейрофизиологическим процессам, протекающим в мозге человека, ибо оно, очевидно, оказывает влияние на поведение человека как материальной системы, но сознание при этом не редуцируется к физическому, а лишь сопровождает в определенных ситуациях психические процессы, которые в принципе могут протекать и бессознательно.

Отсюда, собственно говоря, и возникает трудная проблема сознания: почему психическая жизнь человека вообще сопровождается свидетельствованием сознания, а не протекает во тьме бессознательности, тогда как мы вполне могли бы быть и ничего не осознающими зомби, но способными с успехом пройти любые модификации теста Тьюринга? Очевидное решение этой проблемы само собой напрашивается в рамках элиминативизма, где сознания как реального феномена вообще не существует и где утверждается совершенное тождество между мыслящим человеком и мыслящей машиной, в которой промоделированы все его основные психические функции. Однако, с другой стороны, отличие мыслящего человека от мыслящей машины наглядно демонстрируется в мысленном эксперименте с китайской комнатой Д. Серла (хотя на сегодняшний день существует несколько опровержений этого мысленного эксперимента, чему, к сожалению, в рамках данной статьи уделить внимание невозможно, но можно лишь заметить, что все эти опровержения носят весьма спорный и проблематичный характер), откуда видно, что машина способна оперировать информацией, но не способна понимать ее. Поэтому необходимо признать, с одной стороны, существование сознания, а с другой стороны, его нематериальную природу.

Но тут возникает еще одна нетривиальная проблема, которая связана с тем, что дальше мы можем рассуждать следующим образом: поскольку сознание нематериально, то оно не находится в пространстве-

времени, ибо говорить о локализации в пространстве-времени можно лишь в отношении материальных тел, распределение которых, собственно говоря, и задает структуру этого пространства-времени. Но если сознание не находится в пространстве-времени, то, значит, оно пребывает вне его, т.е. вне пространства и вне времени. А пребывание вне времени означает пребывание в вечности. Поэтому сознание пребывает в вечности, и, следовательно, оно неуничтожимо, т.е. бессмертно. И получается, что если мы признаем нематериальность сознания (а все остальные ментальные феномены, как мы видели выше, могут быть редуцированы к физическим процессам), то должны признать и его бессмертие, откуда сразу же можно логически перейти к существованию неуничтожимой и бессмертной сущности человеческого бытия, а именно – души человека. Но это положение вступает в непримиримое противоречие с нашим первым свойством сознания – его производностью от материальных процессов. И тут мы должны либо отказаться от этого свойства и фактически встать на позицию идеализма или дуализма, либо должны объяснить, каким образом что-то нематериальное (не редуцируемое к материальным процессам) может возникать и уничтожаться, т.е. иметь темпоральную структуру.

От идеализма и дуализма мы уже отказались по вышеуказанным соображениям, поэтому объясним, как нематериальное может иметь определенную форму существования во времени. Прежде всего, заметим, что это относится к всякого рода сущему, которое существует в форме информации. Действительно, информация появляется и исчезает во времени, но при этом обладает не материальным, а идеальным модусом бытия, несмотря на то, что не может существовать в отрыве от своего материального носителя, ибо в случае разрушения носителя информации перестает существовать и сама записанная на нем информация (если, конечно, при этом она не была переписана на другой материальный носитель). Поэтому можно сказать, что бытие сознания – это информационно-идеальное бытие.

Следующим главным свойством сознания является субъективность, суть которой заключается в том, что о феноменах сознания можно говорить лишь в первом лице, но никак не в третьем. Субъективность сознания согласуется с его нематериальностью, ибо быть материальным значит существовать объективно, независимо от восприятия и осознания. Но тут опять-таки возникает проблема, связанная с первым свойством сознания, а именно – с его производностью от материи: каким образом нечто объективное (материальное) может породить нечто субъективное (нематериальное)? Решая эту проблему, Д. Чалмерс [16] утверждает, что субъективное – это информация, которая заключается в объективных функциональных паттернах мозга. Однако существует как осознаваемая, так и бессознательная информация, и поэтому через отождествление с информацией феномен субъективности никак не получает своего онтологического объяснения. Правильнее говорить, что субъективной является интерпретация информации, но не сама информация как таковая. К тому же позиция Д. Чалмерса при ее последовательном развитии логически приводит к панпсихизму, ибо если субъективное – это информация, а информация есть не только в мозге (например, генетическая информация), то тогда субъективное может быть вообще растворено в мире. Но даже если мы признаем истинность панпсихизма, то это позволит нам свести к информации лишь психические переживания, тогда как сознание как таковое окажется за пределами подобной редукции, поскольку, будучи само по себе непредметным, т.е. бессодержательным, оно не заключает в себе никакой информативности.

Решение проблемы бытия субъективного мы находим также в неорасселовском монизме, согласно которому субъективное и объективное – это две стороны (соответственно – внутренняя и внешняя) единого реального бытия. Д. Чалмерс вводит специальный термин – панпротопсихизм, который указывает на то, что внутренняя субъективная сторона присутствует у всех объективных событий. Похожую точку зрения разделяет и диалектический материализм, в рамках которого свойство отражения присуще материи вообще, но лишь на высоком уровне ее структурной организации это свойство трансформируется в ментальный опыт.

Однако и панпсихизм, и неорасселовский монизм, и диалектический материализм решают только проблему бытия психических переживаний, но при этом проблема бытия субъективного остается нерешенной, в равной степени как остается нерешенной и проблема бытия сознания, которое может сопровождать психические переживания, а может и не сопровождать их и которое, собственно говоря, и лежит в основе субъективных феноменов, поскольку любая онтологизация субъективного (панпсихическая, неорасселовская или диалектико-материалистическая) тут же делает его доступным для описания от третьего лица, что, в свою очередь, лишает субъективное самой его субъективной сущности.

И, наконец, четвертым главным свойством сознания является его свободная активность, т.е. способность к самопроизвольному действию. Действительно, если мы признаем, что сознание само по себе ни на какие материальные процессы повлиять не может, а может быть лишь пассивным свидетелем чего-то, что происходит (как во внешнем физическом мире, так и во внутренней психической жизни) без всякой с ним каузальной взаимосвязи, то тогда становится совершенно непонятно, зачем вообще сознание нужно, тогда как все могло бы происходить и без его субъективной фиксации, т.е., другими словами, возникает трудная проблема сознания. Более того, если сознание пассивно, то тогда простое воспроизведение его материальной основы должно с необходимостью порождать субъективный опыт. Или, выражаясь иначе, можно сказать, что пассивность сознания означает ложность аргумента философского зомби, который заключается в том, что может существовать точная копия сознающего существа, не обладающая, тем не менее, сознанием. Но материальная основа сознания в конечном итоге сводится к реализации определенного рода алгоритмов и программ на органическом материале мозга, и, следовательно, искусственное воспроизведение такой реализации должно с необходимостью приводить к генерированию сознания, что противоречит аргументу китайской

комнаты Д. Серла. Поэтому если мы признаем пассивность сознания, то одновременно отрицаем само его бытие. Но отрицание бытия сознания ведет к позиции элиминативизма, который по вышеуказанным соображениям не может быть принят нами в качестве удовлетворительной теории. К тому же пассивность сознания лишает нас свободы воли, ибо в этом случае мы лишь свидетельствуем принятию определенного рода решений и приписываем их своей собственной свободной активности, тогда как в действительности все эти решения принимаются нами на бессознательном уровне без нашего непосредственного сознательного участия. И тогда мы оказываемся биологическими роботами, которые наблюдают за своими действиями, но ничего, по существу, изменить не могут, а то, что им кажется, будто они изменяют, на самом деле, обусловлено не их сознательным выбором, а определенными бессознательными причинами. Мы превращаемся в своеобразных марионеток, которые осознают свою психическую жизнь (или, по крайней мере, могут ее осознавать), но при этом ни на что не влияют, а плывут по течению физических процессов, которые, в конечном счете, и определяют все наши переживания через нейрофизиологическое и биохимическое функционирование организма в целом и, прежде всего, головного мозга.

Однако, с другой стороны, не принимая пассивной природы сознания, мы вступаем в противоречие с его субъективным и нематериальным характером. Действительно, если мы полагаем, что сознательные акты именно в силу своей сознательности могут вызывать определенную физическую активность (т.е. действия нашего физического тела), то тогда, опираясь на принцип каузальной замкнутости физического, мы должны признать, что сами по себе эти психические акты опять-таки именно в силу своей сознательности обладают определенным количеством энергии. Но то, что обладает энергией, с необходимостью имеет материальную природу, а значит, и все то, что относится к сфере сознания, также обладает качеством материальности.

В итоге наших рассуждений возникает следующая проблема: каким образом возможно совместить все эти рассмотренные выше четыре главных свойства сознания в едином целостном феномене? Ни одна из существующих в настоящее время философских концепций сознания, по всей видимости, не позволяет совершить такой целостный синтез. Например, дуалистические и эпифеноменалистские концепции исключают активность сознания, материалистические и элиминативистские концепции исключают субъективность сознания, функционалистские концепции исключают нематериальность сознания, а идеалистические концепции исключают его производность от материальных процессов.

Такое положение дел провоцирует движение мысли в сторону философии К. Макгинна [3, с. 37-38], который, опираясь на когнитивную замкнутость сознания, полагает, что основные проблемы сознания относятся к разряду непостижимых тайн, поскольку наш разум может справиться лишь с тем, что имеет комбинаторную природу, тогда как сознание принципиально не может быть разложено на составляющие элементы. Однако невозможность на сегодняшний день непротиворечивым образом сложить в единое целое основные свойства сознания может также указывать и на то, что соответствующий ход мысли в окончательной форме просто еще не найден. И наиболее перспективными в этом отношении являются, пожалуй, квантовые концепции сознания, согласно которым сознание, во-первых, производно от материальных процессов (как квантово-эмерджентное свойство материи); во-вторых, имеет нематериальную природу (поскольку само по себе не тождественно никаким материальным структурам); в-третьих, носит субъективный характер (как онтологическая целостность, центрирующая определенный акт наблюдения) и, в-четвертых, проявляет свободную активность (обусловленную редукцией волновой функции, которая описывает наблюдаемую систему). Но и эти концепции не лишены проблемных сторон, связанных, прежде всего, с философским смыслом самой квантовой реальности, не укладывающейся в привычные схемы классического понимания мира, что должно стать предметом исследования отдельной самостоятельной статьи.

Список литературы

1. Беркли Д. Трактат о принципах человеческого знания // Беркли Д. Сочинения. М.: Мысль, 1978. 556 с.
2. Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П. Феномен сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 367 с.
3. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 270 с.
4. Гегель Г. Феноменология духа. М.: Институт философии, 1959. 487 с.
5. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 297-423.
6. Деннет Д. Виды психики. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
7. Игнатова А. А. Некоторые методологические аспекты метатеоретического подхода к анализу сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 44-48.
8. Лейбниц Г. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом // Лейбниц Г. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 271-282.
9. Мальбранш Н. Разыскания истины. СПб.: Наука, 1999. 596 с.
10. Моуди Р. Жизнь после жизни. М.: София, 2010. 258 с.
11. Пантэм Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с.
12. Прист С. Теории сознания. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 288 с.
13. Райков В. Л. Биоэволюция и совершенствование человека. Гипноз, сознание, творчество, искусство. М.: Грааль, 1998.
14. Серл Д. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. 288 с.
16. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.

PROBLEM OF CONSCIOUSNESS BEING AS SUBJECTIVE CONSISTENCY IN OBJECTIVELY EXISTING WORLD

Cherepanov Igor' Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Novosibirsk State Technical University
gradeco@yandex.ru

The article analyzes the philosophical theories, which allow solving the problem of consciousness being as subjective consistency in the objectively existing world. The phenomenon of consciousness is considered from the point of view of the ontological unity of its four basic features – unoriginality, immateriality, subjectivity and activity. Problematic areas in the rational construction of such ontological unity are revealed.

Key words and phrases: consciousness; theories of consciousness; freedom; psychophysical problem; difficult problem of consciousness.

УДК 13.130.3

Философские науки

В статье утверждается, что особенности русской культуры, открытый характер национального менталитета создают предпосылки для формирования принципиально новой многовекторной внешней политики. Указывается неприемлемость пассивного внешнеполитического поведения России. Формулируются основные цели и задачи российского государства в системе международных отношений.

Ключевые слова и фразы: международные отношения; Россия; русская культура; национальный менталитет; миссия России; многополярный мир; идеал развития; суверенитет.

Чикаева Татьяна Александровна, к. филос. н., доцент
Институт социальных наук
utoi@rambler.ru

РОССИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ[©]

Международные отношения представляют собой сложную систему, балансирующую, как показывают события последних лет, на грани потери стабильности, а, возможно, и начала новой Мировой войны. США, взявшие после победы в холодной войне на себя роль главного распорядителя в международной сфере, сегодня демонстрируют неспособность единоличного обеспечения мирного существования государств и народов. Динамика современного мира характеризуется поиском моделей его развития, учитывающих совокупность глобальных, региональных, национальных и локальных процессов в реальной политической системе мира [10, с. 224].

Ситуация требует появления на мировой арене новой силы, которая могла бы предложить миру альтернативный путь разрешения конфликтов и иную перспективу совместного развития. Такой силой должна стать и уже становится, как показывают события 2013 года, Россия.

Принятие Россией на себя данной роли представляется оправданным и необходимым, прежде всего, с мировоззренческой точки зрения. Ее цель и задача на мировой арене – поддерживать стабильность, а историческая миссия – удерживать мировое равновесие.

Существуя на стыке двух полярных культурных систем, Россия смогла найти точки взаимодействия и с Западом, и с Востоком, не сливаясь ни с одним из них. Открытый характер русского национального менталитета, способность творчески переосмыслить черты инокультурного шифра позволяли России в течение её сложного пути исторического развития сохранять и поддерживать ценности различных культур, создавать условия совместного существования представителей различных этносов, народов, религий как единого многогранного целого.

Многовековые традиции общинной жизни способствовали развитию ценностей коллективного бытия, постановке общих целей выше целей отдельного субъекта. Данные ментальные установки позволяют России проводить конструктивную внешнюю политику, лишённую национального эгоизма, основанную на целостной картине взаимовыгодных международных отношений. При этом, основываясь на историческом опыте, можно быть уверенным, что Россия лучше какого-либо другого субъекта применит основополагающий принцип русской культуры — принцип справедливости.

Иностранные авторы, например, С. Франклин и Дж. Шепард, признают объединяющий характер русской культуры, указывая на то, что «нельзя отрицать того факта, что Россия является одновременно европейской и азиатской, принадлежит и Западу и Востоку» [9, с. 78]. М. Койвисто акцентировал внимание на способности России создавать условия для развития различных культур, отмечая, что «согласно российскому мышлению, страна, которая когда-то была завоёвана Россией, становится её частью» [3, с. 236].